

Алексей Конев

Сибирский путь Ермака в русском летописании XVII века

Пожалуй, нет в сибирской истории фигуры, более известной миру и в то же время овеянной множеством легенд, чем Ермак. О нем и его сибирском походе с «единомысленною дружиною» уже в конце XVI — начале XVII века слагались устные предания. Почти через 40 лет после похода первый сибирский архиерей Киприан (Старорусенников) в своем стремлении увековечить память о Ермаке и его дружине создает Синодик Ермаковым казакам. Историк Алексей Конев объясняет, на чем основывалось желание владыки канонизировать Ермака как героя и почему даже местные князья считали его «человеком Божьим».

Один из первых вариантов «устной летописи» о походе Ермака дошел до нас в составе Кунгурского летописца, обнаруженного тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым и включенного им в его «Историю Сибирскую».

Первый архиепископ Сибири Киприан (Старорусенников), прибыв в июне 1621 года к месту своего нового служения в Тобольск, обратил внимание на то, что в этом еще плохо освоенном русскими крае имя Ермака пользовалось большой популярностью.

Владыка Киприан, будучи человеком книжным и не чуждым литературных занятий, обра-

тился к проживавшим и служившим тогда в Тобольске сподвижникам легендарного атамана с просьбой записать и представить краткие сведения об основных событиях похода на «салтана» Кучума. Так возникло казачье «Написание», на основе которого, вероятно, и был составлен Синодик Ермаковым казакам. В Синодике упоминаются основные сражения с татарами и указываются имена погибших воинов. Синодик был включен в состав чина Торжества Православия. Архиепископ Киприан заповедал каждый год в первую Неделю (воскресенье) Великого поста в соборной Софийской церкви возглашать погибшим казакам вечную память. Правило это было введено при его преемнике архиепископе Нектарии.

В 1636 году тобольский владычный дьяк Савва Есипов, опираясь на сведения Синодика и ряда других источников, составил знаменитую историческую повесть «О Сибири и о сибирском взятии», больше известную как Есиповская летопись. В ней поход трактуется как Божиим Промыслом свершившееся предприятие, смысл которого состоял в том, чтобы победой Ермака и его дружины над сибирским ханом «очистить место святыни» и привести этот край под «скипетродержательство» православных русских царей.

Известная американская исследовательница, историк-русист Валери Кивельсон,

отмечает, что все летописные произведения, содержащие описания похода Ермака и дающие разные оценки его деятельности, «сходятся в одном: это завоевание играет решающую роль в божественно predetermined нарративе». И авторы летописных произведений XVII века, и покорители новых земель «разделяли убежденность в том, что, каким бы ни был смысл присутствия России в Сибири, оно несло с собой божественное благословение».

В истории казачьей экспедиции до сих пор остается ряд вопросов, на которые летописные источники и историки дают разные ответы. Во-первых, кто такой Ермак? Одни считают его донским казаком, другие — волжским, третьи — жителем Приуралья, посадским человеком Василием Тимофеевичем Алениным, ставшим в силу жизненных обстоятельств казачьим атаманом. «И смел, и умен, и человечен, и прозорлив, и мудростью не обделен, широколиц, борода и волосы черные, волнистые, роста среднего и широк в плечах», — так описывал Ермака Ремезов.

Наиболее запутанный вопрос — дата начала похода. Синодик и основная редакция Есиповской летописи указывают на 1580-й год. Историческое повествование, составленное по заказу потомков солепромышленников Строгановых (тех самых, которые пригласили казаков в свою вотчину для обороны от немирных соседей) и обычно именуемое Строгановской летописью, относит начало похода к 1 сентября 1581 года. Именно эта датировка с подачи Н. М. Карамзина долгое время и была общепринятой в исторической науке. В 1980-х гг. специалист по истории Московской Руси Р. Г. Скрынников, опираясь на критический анализ памятников раннего сибирского летописания и тексты грамот Ивана Грозного Максиму, Никите и Семену Строгановым, обосновал новую датировку — 1 сентября

1582 года. Реконструируя последовательность событий казачьей экспедиции, он обратил внимание на данные Погодинского летописца, который многими современными исследователями рассматривается как наиболее надежный источник фактических сведений о походе Ермака.

Согласившись с датировкой начала похода, предложенной Скрынниковым, екатеринбургский историк А. Т. Шашков уточнил и дополнил его версию «Ермакова взятия» Сибири. Предложенная им трактовка хронологии и последовательности интересующих нас событий представляется наиболее обоснованной.

Летом 1581 года Ермолай (Ермак) Тимофеевич (Токмак — такое прозвище атамана сообщает нам Погодинский летописец), до того будучи «знаменитым» на Волге, со своей станицей сражался в составе корпуса князя М. П. Катырева-Ростовского на

фронтах Ливонской войны в районе Могилева и Орши. В августе того же года конная станица Ермака с западного театра военных действий была переброслена в знакомое ему Поволжье для противодействия Ногайской Орде. Здесь она соединилась с ватагой «вольных» казаков, бывшей под началом Ивана Кольцо. Объединенный отряд числом в 540 человек ушел во главе с Ермаком в Приуралье, где Строгановы набирали «охочих людей» для отражения набегов пелымских вогуличей, находившихся в союзнических отношениях с ханом Кучумом. Пройдя из Волги в Каму, затем вверх по реке Чусовой, казаки свернули на речку Сылву, где столкнулись с отрядом пелымского князька Аблегирима и разгромили его. На Сылве в укрепленном лагере они встретили зиму и весной 1582 года заключили договор со Строгановыми. За период зимовки ермаковцы собрали немало сведений о землях, находившихся за Камнем, как тогда называли Уральские горы.

В конце лета при поддержке солепромышленников планировался поход на Пелымское

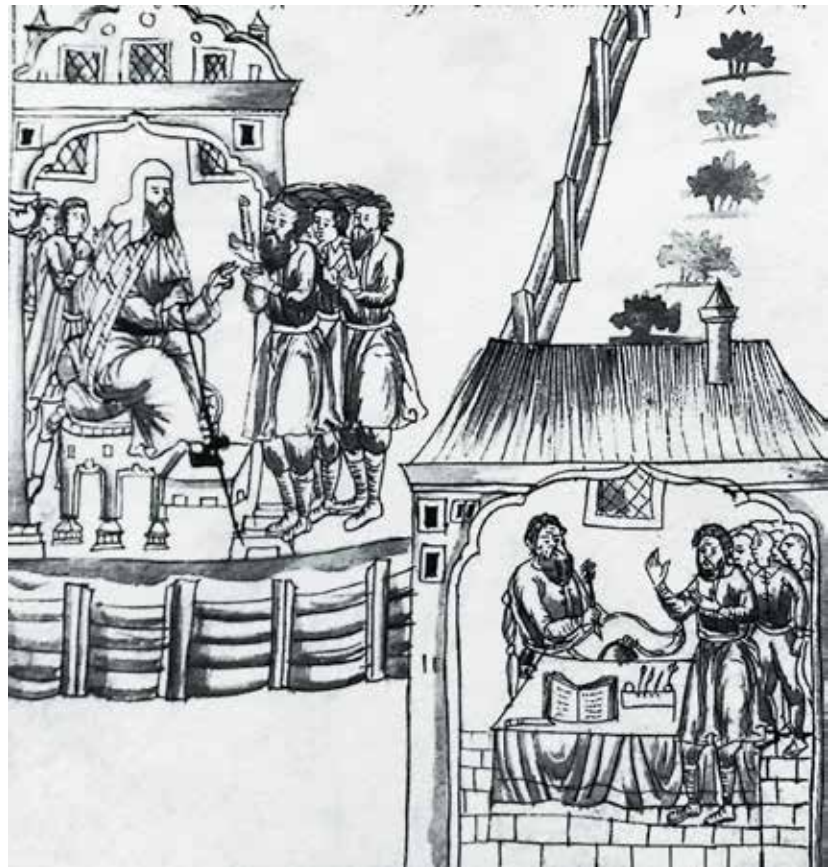

Ермак. Парсуна. Неизвестный художник. Из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника

княжество. Но в августе, в самый канун похода, на Чусовую пошел войной «Кучумов сын Алей» вместе с Аблегиримом. Нападение на Чусовской городок было отражено, и отряды сибирцев ушли на север громить русские города Чердынъ и Соль Камскую. Казаки же не стали их преследовать, чем вызвали гнев чердынского воеводы В. И. Пелепелицина, а приняли решение «збираться, как бы им дойти до Сибирской земли». Стремительный рейд по сибирским рекам Туре и Тоболу к столице Сибирского ханства оказался полной неожиданностью для Кучума, лишившегося на это время части своих боеспособных сил, которые остались с Алеем на Урале. Несколько серьезных вооруженных столкновений с татарами — у Епанчинских юрт, в урочище Бабасан и в Карачине улусе — не заставили казаков повернуть вспять.

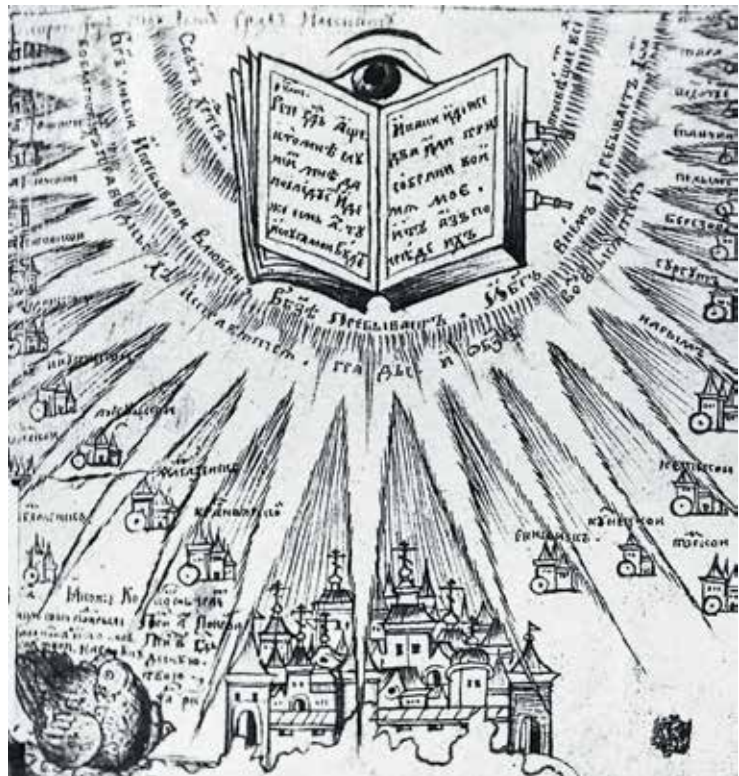
23 октября 1582 года состоялось историческое сражение на берегу Иртыша у Чувашского мыса, где отряд Ермака вступил в бой с превосходящими силами Кучума, войском которого командовал его лучший военачальник Маметкул. «И все рустие люди вышли <...> на бой, и вси глаголаху, молящися: “С нами Бог, сотворитель наш! Да поможет нам, созданию своему!” <...> И начаша приступати к засеке, и бысть брань велика. <...> Царевича ж Маметкула уязвиша русские вои, тогда убо и пойман был, но свои его увезоша на он пол реки Иртыша. Царь же Кучюм учал был зело страшен от православного воинства», — описывает эти события Погодинский летописец. Так была одержана неожиданная во многом победа, и 26 октября, в день памяти великомученика Димитрия Солунского, казаки вступили в ханскую столицу — городок Кашлык (Сибирь). В кровопролитной битве у озера Абак 5 декабря 1582 года казаки нанесли решающее поражение лучшим кучумовским отрядам. Хан был вынужден отойти на юг, в Барабинские степи. Ханство начало распадаться. Против Кучума — выходца из Средней Азии — выступила часть местной татарской знати. В конце декабря посланцы Ермака отправились в Москву к Ивану IV, чтобы известить царя о взятии Сибири.

Казаки провели в отдаленном краю три зимы. За это время они совершили несколько походов, сумели привлечь на свою сторону данников сибирского хана: вогульских князьков Ишбердея,

Архиепископ Киприан принимает от казаков «Написание». Они рассказывают в приказной избе о походе в Сибирь. Иллюстрация из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова

Проповедание Евангелия во всей Сибири по воле «Всевидящего Бога христианского». Иллюстрация из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова

Аблай-тайша рассказывает Ульяну Ремезову о гибели Ермака и чудотворениях от панциря его и платья. Иллюстрация из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (вверху слева)

Строительство Тобольска и первых в нем церквей во имя Святой Троицы и Всемилостивого Спаса.

Иллюстрация из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (вверху справа)

Явление св. Николая Можайского молящимся казакам.

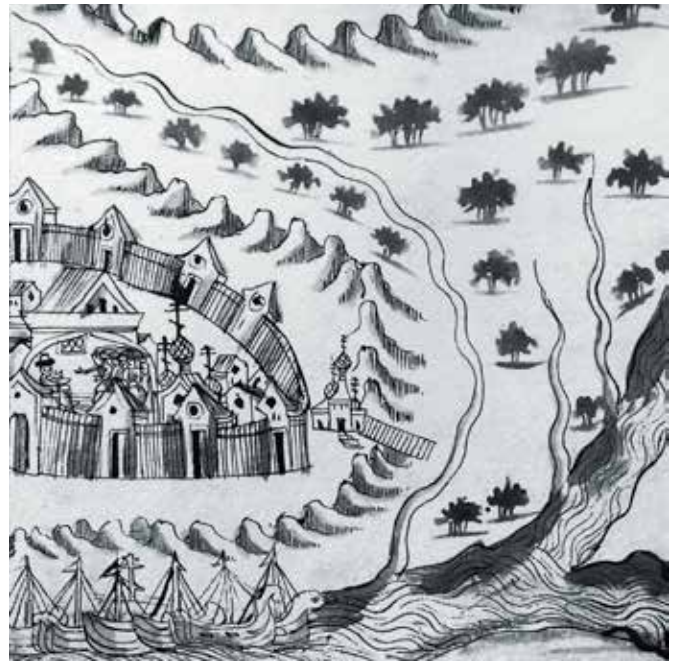
Иллюстрация из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова

Суклема и остяцкого Бояра. Весной 1583 года отряд под началом Никиты Пана спустился вниз по Иртышу. С боями прошли они Надцынское, Туртасское, Нимьянское (Демьянское), Самаровское княжества и взяли дань-ясак, а выйдя к Нижней Оби заключили мирное соглашение о союзе с «князцом» кодских остяков Алачем. Кроме того, удалось пленить и поздней осенью 1584 года отправить в Москву Маметкула.

Были и потери. Так, по коварному замыслу мурзы Карачи, отделившегося от Кучума и, вероятно, имевшего свои планы на сибирский трон, обманом был убит Иван Кольцо и 40 казаков.

В начале марта 1584 года во время Великого поста Карача пришел под стены Кашлыка и осадил город. Ермаку удалось снять осаду только в мае, разбив войско татар под Саусканом. После этого сражения ночью атаман с пятью членами молился, и «на всеобщей явился святой Николай Можайский, повелевая жить в чистоте, и прилежно пост соблюдать, и всех добродетелей в любви к ближнему придерживаться». Затем, как сообщается в ремезовской «Истории», святой Николай провозгласил, что, если они ослушаются его, не сохранив добродетели, он перестанет им помогать и они «вскоре погибнут во грехах своих». Ермак всем поведал об этом видении.

Приняв в Москве посланников от Ермака с известием о победе над Кучумом, царь Иван Грозный «тех сеунщиков пожаловал своим царским

многим жалованьем, деньгами и сукны» и отправил казакам на помощь отряд под командованием воеводы князя С. Д. Болховского. Кучум же, в свою очередь, не оставлял надежды вернуться в Кашлык и затеял игру с Ермаком, пустив слух о нападении на бухарских торговцев, следовавших в оставленную им столицу. Казаки, уже потеряв немало число своих товарищей, выступили в начале августа 1584 года и, не обнаружив никакого каравана, стали с ночевкой близ устья реки Вагай,

где в ночь с 5 на 6 число того же месяца были атакованы противником и разбиты. Ермак, как гласит легенда, отбиваясь от татарских воинов, был ранен. Пытаясь добраться до струга, он утонул, так как был «одеян двумя царскими пансыри».

По данным Ремезова, опиравшегося на исторические предания местных татар и сообщенные его отцом Ульяном Моисеевичем сведения, полученные во время посольства к калмыцкому тайше Аблаю, тело Ермака спустя семь дней после того боя было обнаружено в Иртыше. Весть о погибшем русском воине быстро разнеслась по окрестным селениям. Увидеть поверженного врага приходили многие татары. Мурза Кайдаул, снимая с погибшего панцири, заметил, что из тела исходила кровь. Кайдаул был изумлен и, посчитав нетленного героя человеком Божиим, положил его нагого на лабаз. «Птицы же летали вокруг, не смея прикоснуться к нему. И лежал на лабазе шесть недель до первого дня ноября, пока из отдаленных мест не пришли Кучум с мурзами и кондинские и обдоринские князья и не вонзили стрелы свои». Затем, по легенде, его похоронили на Баишевском кладбище «под украшенной сосной», но место это впоследствии было сокрыто. Причиной такого поступка, сообщает Ремезов, стали чудотворения, происходившие от тела Ермака и снятых с него вещей. Абызы, убоявшись ослабления мусульманской веры, запрещали упоминать имя легендарного атамана, но известия о чудесах распространились даже за пределами Сибирского ханства. Так, упомянутый Аблай-тайша рассказывал, что в младенчестве он был «утробой болен» и ему дали выпить воды с земли, взятой с его (Ермака) могилы: «...До сих пор пребываю в добром здравии. Когда же еду на войну с землей, взятой с этой могилы, — побеждаю; если же нет земли — почти пустой возвращаюсь, без добычи».

После гибели Ермака казаки разделились. Одни решили дожидаться помощи из Москвы. Другие под началом атамана Матвея Мещеряка попытались тогда же уйти из Сибири, но, пробиваясь на Лозьву и Вишеру, встретили сопротивление пелымских вогулов. Прибытие ранней осенью 1584 года отряда С. Д. Болховского приободрило ермаковцев, но в первую же зиму большая часть стрельцов и сам воевода погибли от тягот суровой и непривычной сибирской жизни. Пережив голодную зиму, с наступлени-

ем лета 1585 года оставшиеся казаки и стрельцы ушли на Русь старинным северным путем, спустившись по Иртышу до самых низовьев Оби и далее перевалив через Урал к Печоре.

Тем временем казаки под началом Грозы Иванова, доставившие ко двору царя Федора Ивановича пленного «царевича Сибирского», отправились проводниками в Сибирь в составе отряда И. А. Мансурова. Прибыв осенью 1585 года в пределы Сибирского ханства, царский воевода обнаружил, что Кашлык занят Сейид-Ахмадом (Сейдяком), племянником свергнутого Кучумом тайбугида — бека Едигера. Русские ушли на север и основали в районе слияния Оби и Иртыша Обский (Мансуров) городок. Переждав в нем зиму, весной 1586 года они отправились обратно на Русь.

Летом того же года по указу царя Федора Иоанновича в Сибирь был направлен отряд под началом воевод Василия Сукина и Ивана Мясного, чтобы на месте татарской Чимги-Туры поставить первый русский город — Тюмень. А летом 1587 года сподвижник Ермака атаман Черкас Александров вместе с письменным головой Данилой Чулковым выбирал у иртышского Алафейского крутояра место под строительство Тобольска, ставшего впоследствии главным городом русской Сибири. Так начиналась новая страница истории, прологом которой была смелая казачья экспедиция.

Существуют разные мнения о том, чем руководствовался первый сибирский архиерей в своем стремлении увековечить память о Ермаке и его дружине. Кто-то полагает, что это было вызвано желанием канонизировать его как героя, положившего свою жизнь за торжество православной веры в стране, не просвещенной евангельским учением. Другие объясняют это его пониманием значения исторических последствий похода для Русского государства, расширившего свои границы до Тихого океана. Не будем ничего отрицать полностью, но очевидно, что архиепископ Киприан прежде ощутил живую народную память о Ермаке, в которой отдавалось должное воинской доблести и самопожертвованию, масштабу свершения и стремлению русского человека к открытию новых земель как проявлению свободы духа и дерзновенной смелости.

Алексей Юрьевич Конев родился 30 октября 1966 г. В 1990 г. закончил исторический факультет Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева, а в 1994 г. — очную аспирантуру Самарского государственного университета, кандидат исторических наук (1995). В настоящий момент — ведущий научный сотрудник, заведующий сектором социальной антропологии Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук и доцент кафедры церковной истории Тобольской духовной семинарии. Специализируется на изучении процесса интеграции Сибири в состав Российского государства. Автор и соавтор более 100 научных и научно-популярных работ, в том числе монографий о коренных народах Северо-Западной Сибири.